
ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

О ФУНДАМЕНТАЛИЗАЦИИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ЗАДОРОВНИЙ Григорий Васильевич, доктор экономических наук, профессор

*Людей много, Человека нет,
т. е. нет существа, достойного этого имени
Ф.И. Гиренок*

В последнее время в условиях реального процесса схематизации и упрощения обучения под видом «болонско-болванского» процесса в научных отечественных журналах стали появляться статьи, посвященные проблеме фундаментализации университетского образования. В них здраво мыслящие профессора высказывают свою большую тревогу о снижении качества современного обучения, выхолащивании сути образовательного процесса, превращения университетов в некое подобие бывших профтехучилищ, что стало *отрицательно-показательным результатом фасадных образовательных реформ* последнего десятилетия.

В целом, правильно акцентируя внимание на необходимости фундаментализации высшего образования, само его понимание несколько отличается у разных авторов, различны и предложения по его внедрению. Так, Н.П. Хохлов исходит из того, что «отличительная черта университетского образования состоит в подведении научной методологической основы под получаемые студентом знания, соединение жизненно-философского с конкретным. Это означает реализацию принципа *фундаментальности* университетского образования. Студент наделяется способностью поднимать конкретное знание об изучаемом предмете до выяснения его природы, сущного содержания, то есть мыслить *методологически*. Университеты в первую очередь ответственны за уровень методологической подготовки специалистов с высшим образованием. В этом состоит главное качественное отличие университетского образования»¹.

По мнению А.Н. Колота, «под понятием «фундаментализация» понимают существенное повышение качества образования и уровня компетентности специалистов путем модернизации содержания учебных дисциплин и научно-методического обеспечения учебного процесса. Фундаментализация не сводится к увеличению часов на изучение учебных дисциплин того или иного цикла. Речь идет о достижении принципиально новых целей того или иного цикла. Задачей фундаментального университетского образования является создание условий для воспитания и формирования современного научного мышления, внутренней потребности в саморазвитии, самообразовании на протяжении жизни человека. Университетское образование может считаться фундаментальным, если оно продуцирует не узкоспециализированные, а системные, методологически важные, инвариантные, прочные знания, способствующие интеллектуальному развитию личности, ее

¹ Хохлов Н.П. Фундаментальность как важнейший принцип университетского образования // Экономика розвитку, 2007, № 1 (41). – С. 17.

адаптации к быстро изменяемым технологическим и социально-экономическим условиям»². При этом он поясняет, что фундаментальные знания представляют собой системообразующие, целостные, глубинные, содержательные, методологически значимые представления об окружающем мире, закономерностях его функционирования и развития; без них невозможно гармонизировать отношения человека с природой, обеспечить высокую общую культуру и интеллектуальное развитие личностей и общества в целом³.

Таким образом, акцент при рассмотрении фундаментализации университетского образования делается на необходимости продуцирования системных *научных* методологических знаний, позволяющих человеку определяться и действовать в системе *целостных культурных координат общения с другими людьми и природой*.

Здесь слово «научных» я подчеркнул специально, преследуя две цели. Во-первых, оба автора делают ударение на *научности* системы фундаментальных знаний («подведение научной методологической основы под получаемые студентом знания» у Н.П. Хохлова и «создание условий для воспитания и формирования современного научного мышления» у А.Н. Колота). Этот тезис сам по себе не вызывает возражений, ибо современное качественное образование невозможно вне научных исследований и приобщения к ним студентов.

Но, во-вторых, здесь же возникает и вовсе не праздный в условиях становления постнеклассической науки (а современные научные исследования должны исходить из ее принципов!) вопрос: достаточно ли *только научных знаний* для «соединения жизненно-философского с конкретным» (Н.П. Хохлов) и для «гармонизации отношений человека с природой, обеспечения высокой общей культуры» (А.Н. Колот)? По-видимому, *нет!* Научное знание в достижении выделенных глубоко уважаемыми профессорами целей является необходимым, но вовсе *не достаточным*.

Мыслить методологически не значит мыслить лишь научно. «Мыслить методологически» еще включает в себя и изначальный целостно-ценностный подход как к самому мышлению, так и к объекту такого мышления. Именно этим, на мой взгляд, и отличается методологическое мышление от логического, лежащего в основании научных исследований и научного знания. Впрочем, если исходить из такого сегодня модного *плюрализма в науке*, то и от логического, и от самой науки мало что остается, ибо при такой моде не требуется ни строго научных доказательств, ни реакции на критические замечания оппонентов, ни использования результатов тех научных исследований, которые наработаны другими учеными, но в рамках *механико-материалистической парадигмы* остаются непризнанными по причине того, что «этого не может быть потому, что не укладывается в данную парадигму познания». Однако наука развивается не посредством своей догматичности, но посредством *разумности* человека, которая также развивается. Последнее мощное *научное* свидетельство тому как раз и состоит в переходе к *постнеклассической* науке, которая, ориентируясь на *универсумное* знание, непосредственную включенность человека в ноосферу и универсум, исходит из того, что «собственно научное знание *необходимо и неразрывно* соединяется со знанием ненаучным и вненаучным, а сама она (постнеклассика – Г.З.) не претендует на абсолютное лидерство и рассматривает себя как одну из составляющих *постижения*, изъявляя готовность на равных взаимодействовать с его чувственными, медитативными, художественными, народными и другими формами, воспринимая импульсы их интенсивного влияния и известным образом *изменяясь*»⁴.

² Колот А.Н. Фундаментализация и индивидуализация экономического образования как ведущие тенденции его развития // Экономическая теория, 2006, № 1. – С. 97.

³ Там же. – С. 97-98.

⁴ Тарасевич В. Постнекласична наука та економічна теорія // Економіка України, 2004, № 2. – С. 61.

Такой поворот в развитии самой науки стал вполне закономерным и неизбежным потому, что в конце прошлого - начале нынешнего веков наука обнаружила свое *трагическое состояние*, сформировавшееся вследствие господствовавшего в ней механико-материалистического подхода к познанию реальности. При помощи такого подхода, которому чуждо все, что не поддается количественному подсчету, наука создала *свой мир, своего человека, свое общество*, ставших образом *иной* реальности - механики материального мира, чем та, которая существует в действительности и в которой приходится жить человеку обычному, а не «созданному» наукой. Тем самым наука начала терять свое свойство фундаментальности, «ибо она все менее отражает реальность, а все более лишь рассуждает по поводу реальности, создавая и особого рода химеры: вроде бы экономика, а по сути уже и нет, так себе, вообще механика, нередко и попросту виртуальная»⁵. Она не может дать полноценную картину реального мира, в которой не обойтись без его духовно-идеальных оснований, без понимания того, что и зачем движет человеком в его жизнедеятельности. Сегодня научная картина мира, несмотря на оперирование наукой микро- и нановеличинами, поверхностна и в том плане, что наука не дает ограничений практического использования своих результатов, следствием чего становится ускоренное нарастание рисков развития. Это во многом связано с тем, что наука, нацеленная на выработку *рационалистических* моделей, сознательно создала глубокий методологический провал, когда «категория ограничений была почти полностью устранена из рассмотрения. Это связано со сдвигом от реалистичного сознания к аутистическому. Цель реалистического мышления – создать правильные представления о действительности, цель аутистического мышления – создать приятные представления и вытеснить неприятные, преградить доступ всякой информации, связанной с неудовольствием (крайний случай – грезы наяву). Тот, кто находится во власти аутистического мышления, не желает слышать трезвых рассуждений»⁶. В итоге наблюдаем не только отрыв от реальности, но и «научно обоснованный» *подрыв* реальности, навязывание ей того, что создано наукой, но отнюдь не может служить развитию самой реальности в благих для человека целях.

Поэтому, безусловно, прав Ю.М. Осипов, когда пишет о том, что «пора отчетливо заявить, что многое, а может, и основное, в мире, не говоря уже о человеке и обществе, не только не ухватывается наукой, но и является изначально *ненаучным*, ей не предназначенным и от нее свободным, однако активно действующим и человеку жизненно нужным. Мир гораздо сложнее и содержательнее, богаче смыслами, чем утверждает наука. Мир совсем *другой!* Трактуй существующий мир по-своему, а это весьма поверхностно и узко, наука фактически этот мир убивает – в воображении человека и в его сердце (представленный наукой мир лишен любви, и его нельзя любить), не говоря уже о том, что наука уже подготовила все материально-механические средства для уже не метафизического, а непосредственного устранения мира. Все сказанное о мире относится с успехом и к человеку с обществом. Кому нужна, в самом деле, вся эта блестяще доказанная и подкрепленная премиями карикатура?»⁷.

Понятно, что здесь проблема науки как инструмента познания механики материалистичного мира обострена до предела, но ведь-то и возразить практически нечего. Научные достижения делают повседневную жизнь человека комфортнее. А как быть с комфортом в его душе, который, может быть, лишь тысячной долей процента соотносится с материальным? Господствующая наука здесь совершенно бессильна, ибо «в целом экономика, как сам человек - не механика (даже не химия и не органика)»⁸.

⁵ Осипов Ю.М. Экономическая наука // *Философия хозяйства*, 2003, № 2. – С. 263.

⁶ Кара-Мурза С.Г. Подрыв рационального мышления и распад сообщества экономистов // *Философия хозяйства*, 2003, № 2. – С. 144.

⁷ Осипов Ю.М. Трагедия науки // *Философия хозяйства*, 2005, № 1. – С. 12-13.

⁸ Осипов Ю.М. Экономическая наука // *Философия хозяйства*, 2003, № 2. – С. 265.

Фундаментализация образования связана не только с его научностью, но и с ценностным выбором (сущностной рациональностью – М. Вебер), который никогда не может обеспечить «голое» научное знание. В основании ценностного выбора должна лежать Культура, прежде всего классическая литература, несущая энергетичный заряд духовности и нравственности. Бытие человека в отличие от жизни животного социально. «Социальность человеческого бытия определяет то, что в потоке поступающей к человеку информации значительное место с самого рождения (согласно трансперсональной психологии – еще во чреве матери – Г.З.) занимает информация об условиях взаимодействия человека с окружающим его сообществом... Эта информация передается в виде некоего набора духовно-нематериальных объектов, набора образов, которые существуют реально и существование которых постоянно «подпитывается» реальным поведением индивидов в сообществе. Набор этих образов и составляет то, что мы называем общественной нравственностью и общественной моралью»⁹.

Именно прежде всего посредством духовности и нравственности человек может познать смысл жизни, ее целостный характер, свое место в универсуме и действовать сообразно такому познанию. И совершенно не случайно возникли великие мировые религии, открывшие перед человеком Осевое время его познания и предназначения его жизнедеятельности, своеобразный глубинный культурный код его повседневного поведения. Каждая великая религия вооружает человека своим сакральным смыслом, указывающем ему путь и духовные нормы следования по данному пути. Православие отличается от других религий тем, что его стержнем «является своеобразный фундаментализм – требование единства истины, добра и красоты. Истина, предавшая добро, немедленно отлучается, получая обозначение лукавого хитроумия или циничной трезвости. Красота, разлученная с добром, понимается либо как прельщение, либо как пустая декоративность, не достойная высокого вдохновения. Если высшей тайной православной культуры является потаенная энергетичность, то можно говорить и об особой своеобразной энергетичности великой русской литературы. Слово без веры мертво – это кредо и православной церкви, и русской литературы, и нашей культуры в целом. Знание, принимаемое нашей культурой, имеет сакральный смысл – оно связано с христианской энергетикой спасения и вне ее теряет всякое обаяние и всякий смысл»¹⁰. Преклонение одной только истине не может дать целостного восприятия мира и обеспечить гармоничное его преобразование.

Почему у мыслящих о будущем западных исследователей возникла смыслообразующая проблема «культура имеет значение»¹¹? Видимо, потому что ни научно-детерминистский подход, ни весьма точечный эмпиризм, представленный современным неолиберализмом, удовлетворительно разрешить проблему дальнейшего развития человеческого общества не способны изначально. Являясь по сути определенными формами западной культуры, они не могут ни охватить Культуру целиком, ни тем более быть выразителем ее фундаментальной целостности. Понимая, что замахиваясь в своих амбициях на целое и понимая, что этот «орешек» им не по зубам, они уводят сознание на поверхностный слой гедонистической расслабленности, заменяя практику критической мыследеятельности манипулятивными технологиями слепого подражания или туристической экзотики, не взывающей к практическим качественным преобразованиям. Иначе возможное здесь сводится к застывшим экзотическим формам, которыми следует восхищаться, но ни в коем случае не

⁹ Скляр А.Ю. Эзотерика и наука: враги или союзники. – М.: Вече, 2006. – С. 234.

¹⁰ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – С. 354.

¹¹ См.: Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М.: Моск. школа полит. исследований, 2002. – 320 с.; Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 379 с.

изменять, ибо само изменение требует усилий, подрывающих комфортное состояние постчеловека.

Но «культура имеет значение»! Для нынешних глобалистов, ставящих своей целью жесткое перераспределение ресурсов в свою пользу, это значение сводится к тому, чтобы реализовать проект разложения, деградации национальных культур тех народов, которые по современным социал-дарвинистским критериям тех же глобализаторов отнесены к управляемым, низшему сорту и относительно которых проводится политика глобального геноцида.

Для более умеренно мыслящих, но стоящих практически на тех же позициях, «культура имеет значение» в том плане, что национальные культуры оказывают сопротивление глобальной космополитической культуре, а поэтому их надо одолеть обходными маневрами.

Для тех, кого заботит будущее человека и человечества «культура имеет значение» в том плане, что она содержит энергетичный, духовно-ценностный потенциал устойчивого коэволюционного развития, которое должно стать реальностью для претворения императива выживания человечества. Конечно, глубже всех понимают, «что культура имеет значение» эти третьи, ибо ее разрушение становится открывшимися вратами для падения человечества в небытие.

Но в начале нового века сама ситуация в мире разворачивает каждого мыслящего человека к проблеме культуры: «после окончания «холодной войны» и распада социализма глобальная политика все больше выстраивается вдоль культурных линий. Модели сплоченности и взаимопомощи или дезинтеграции и конфликта определяются ценностной идентичностью сообществ, т. е. религиозными, моральными традициями, исторически сложившимся образом жизни и самосознанием народов. Это то, «что остается» для самоотжествления в условиях глобальной экономики и технологии»¹². Без понимания данного положения вряд ли может быть сформирована у студента общая культура и он сможет для себя определить что такое смысл жизни, каково назначение человека в этом мире, т. е. сформировать четкие мировоззренческие основания своей деятельности, являющиеся в то же время и глубинной методологической базой его деятельности.

Следовательно, говоря о фундаментализации университетского образования, нам никак не обойти наиболее фундаментального противоречия современного мироустройства и мировидения и поиска форм его разрешения. «Это противоречие между культурой и технологией, сторонниками сохранения духовности, т. е. решения проблем путем апелляции к сфере ценностей – греху, воздаянию, добру, злу, чести, совести, справедливости, заботе и т. д. – и целерациональными, инструментальными социотехноэкономическими способами: не обращаясь к чувствам, душе и духу человека, заменяя их знанием и информацией, рассматривая его как свободного от переживаний, полностью рационального «актера», отбрасывая традиции и духовные авторитеты как препятствия для успешного функционирования. С превращением техники из средства деятельности в нечто самостоятельное и самоценное, создается особый, идущий на смену обществу мир – технос. Технос не просто сфера, наряду с другими (техносфера), а именно то, что, как когда-то культура, пронизывает все. Торжествует принцип пользы, расчета, автоматической обязательности»¹³.

В условиях извне насаждаемого «болванского» процесса сам смысл термина «фундаментализация образования» схематизируется, сознательно мутируется, извращается. В угоду механико-материалистическому подходу, который все больше приобретает черты математизированно-виртуальных «сновидений», фундаментализацию пытаются подменить функциональностью, преследующей сиюминутную выгоду в достижении успеха.

¹² Кутырёв В.А. Истоки и смысл глобального терроризма // Социальная экономика, 2005, № 1-2. – С. 23.

¹³ Кутырёв В.А. Указ соч. – С. 23.

Фундаментальный, по С.И. Ожегову, - основательный, положительный – вовсе не сводится к чему-то эмпирическому и поверхностному. Это то, что должно составлять фундамент, глубинное, сущностное основание получаемого знания, прежде всего, о самой жизнедеятельности человека в универсуме. Но возможно ли такое сущностное знание вне *триалектического единства* истины, добра и красоты? Любое знание, выведенное за пределы данного единства, вряд ли можно считать фундаментальным и достаточным для реализации полноценной человеческой жизнедеятельности, совпадающей с хозяйством и хозяйствованием. И вот здесь уже никак не обойтись без раскрытого выше главного постулата православной культурной традиции - требования единства истины, добра и красоты. Вне этого единства, на мой взгляд, говорить о фундаментализации университетского образования крайне проблематично.

Говоря о путях фундаментализации образования, А.Н. Колот обосновывает комплекс мероприятий, выделяя в нем три главные составляющие: изменение соотношения между прагматической и общекультурной, общенаучной составляющими образования (приоритетным является формирование у студентов научных основ системного мышления, общей культуры); изменение содержания изучающихся дисциплин (приоритетность изучения фундаментальных законов развития природы и общества, формирование представлений о глобальном мире, его проблемах и путях их преодоления); обеспечение приоритетности информационных, интеллектуальных, научноестественных компонент в системе образования людей, которым жить и работать в информационном обществе, создавать экономику знаний, приобретать конкурентные преимущества¹⁴.

Безусловно, все это важно и нужно. Но вместе с тем требуется и существенное уточнение относительно указанных трех составляющих фундаментализации образования, исходя из ранее изложенного. Дело в том, что между первой и второй, второй и третьей составляющими существуют явные противоречия. Во-первых, *научные* основы системного мышления и *общая культура* лежат в разных плоскостях, хотя и взаимовлияют друг на друга. Наука и научные основы всего лишь один из элементов культуры, в том числе и прагматической. Смешивать одно с другим, по крайней мере, в процессе образования, вряд ли целесообразно. Во-вторых, фундаментальные законы развития природы и общества «лежат» намного глубже, чем современная поверхность – формируемый по неолиберальному сценарию современный глобальный мир. Четкое различие здесь является условием фундаментализации образования. В-третьих, приоритетность информационных и интеллектуальных компонент в образовании – это все же инструментальный уровень, в котором фундаментализация образования проявляется опосредовано. Эта проблема исследовалась специально, когда будущее человечества раскрывалось как интеллектономика, под которой понимается цивилизация одухотворенного интеллекта¹⁵. Посредством реализации духовности как основания развития и использования интеллекта можно целостно постигать мир и целостно преобразовывать его в органическом единстве строн, уровней, ипостасей.

Это требование с неизбежной необходимостью сегодня становится фундаментальным императивом деятельности человека, перед которым во весь рост встала практическая проблема выживания. Но «идея спасения есть идея человеческого духовного возвышения»¹⁶. В то же время, по-видимому, прав А.С. Панарин в том, что «отнологическая структура человеческого бытия такова, что материальное и духовное выступают как взаимно

¹⁴ Колот А.Н. Указ. соч. – С. 98.

¹⁵ См.: Задорожный Г.В., Бервено О.В. Неэкономика как интеллектономика (о цивилизации одухотворенного интеллекта) // Экономическая теория на пороге XXI века. – М.: Юристъ, 2001. – С. 99-112; Задорожный Г.В. Интеллектономика как теоретическое основание цивилизации XXI века // Экономика і кібернетика на початку XXI століття. – Харків: ХНУ, 2005. – С. 52-79.

¹⁶ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М.: Алгоритм, 2003. – С. 550.

отталкивающие»¹⁷, между которыми идет постоянная напряженная борьба. Если ранее, в эпоху Просвещения, да и в значительной степени при социализме («от Москвы до самых до окраин» осваивалась Культура посредством прежде всего создания системы качественного всеобщего среднего и доступного высшего образования!), тяготение было к универсалиям духа, а не телесности, то «в наше время полюса перевернулись. Верхние слои общества выступили с необычайной культурной инициативой реабилитации телесных практик и последовательной дискредитацией сфер духовно-возвышенного»¹⁸. Но оторванный от духовных оснований технос, как предельное выражение новой «новейшей культуры», целенаправленно формирует постчеловека с мертвой душой, для которого и мир становится мертвым. «Подобно смерти индивида смерть человека как родового существа не мгновенный акт, это процесс, заложенный в самой жизни и на определенном этапе развития начинающий доминировать над ростом. В движении истории по линии: дикарь – варвар – личность – актер – фактор, пиком зрелости человека правомерно считать его состояние в качестве личности. Оно посередине, между миром естественно-социальным – живым, и техникой – миром социально-искусственным. Научно-техническая революция XIX века, разорвавшая пуповину связи человека с природой, была началом «болезни к смерти» (С. Кьеркегор) личности»¹⁹; «круг замыкается: человек уходит от *этой* реальности, где он бездушный труп и внедряется в *другую*, где он бестелесная капля мысли в океане информации»²⁰. Однако о мысли здесь говорить приходится весьма натянуто, ибо остаточная критическая мыследеятельность жестко вытесняется манипулятивными технологиями сознания, где духовным и нравственным ценностям и идеалам практически нет места: они просто не нужны рыночному фундаментализму, при котором единственным правителем-повелителем являются деньги. Они же стали заправлять и сферой образования, из которой неумолимо выветривается его фундаментализация.

Сегодня образование, сформированное в рамках большой письменной традиции, которое давало общие духовные смыслы и универсалии, мировоззренческо-ценностные ориентации, становится ненужным. Вообще-то это связано с глубинным процессом перехода общества в *инволюционную* стадию своего движения. Все «дело в том, что раньше люди жили в восходящей ветви эволюции, а теперь живут в нисходящей. Молодые уходят вперед от стариков, но теперь вперед означает снижение сравнительно с тем, насколько поднялись старики»²¹. Следует четко понимать, что движение по нисходящей ветви есть движение в тупик, в небытие. Этому движению способствует расширяющееся *псевдообразование* как форма пост(недо)модерна, которая не просто разрушительна, но низводит человека-потребителя к животному, ибо именно животному «не надо» задумываться над высшими смыслами жизнедеятельности, так как его жизнь инстинктивна, не реализующаяся в творчестве. Или, более современно, к *чиповею*, запрограммированном технической духовно выхолощенной системой.

Хотя следует признать, что в таких трактовках, применительно к транзитивным государствам, имеется очень много натянутости. В силу расширения и углубления бедности подавляющей части их населения, повсеместной коммерциализации университетского образования и нищенского существования науки вряд ли можно говорить о формировании в этих государствах массового слоя интеллектуалов. Не может интеллектуально творить бедный и голодный человек при ломающихся полках магазинов от материального,

¹⁷ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – С. 363.

¹⁸ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М.: Алгоритм, 2003. – С. 550-551.

¹⁹ Кутырев В. А. Культура и технология: борьба миров. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 64.

²⁰ Кутырев В.А. Указ. соч. – С. 66.

²¹ Зиновьев А.А. Русская трагедия. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – С. 480.

созданного в основном в других странах, изобилия. Но вместе с тем здесь кроются и свои плюсы, ибо в процессе долготерпения накапливается народный потенциал духовной энергетики, исходящий из на ментальном уровне заложенных чувств справедливости, правды, совести, которые выступают более фундаментальными ценностями человеческой жизнедеятельности, существуют до научного знания и должны определять границы и методы его использования.

Таким образом, проделанный анализ позволяет не только подтвердить необходимость и жгучую актуальность фундаментализации университетского образования, но и существенно углубить само понимание такой фундаментализации. О ней нельзя полновесно говорить, если не учитывать духовно-нравственную составляющую человеческого познания и деятельности. Все современные кризисы имеют свою глубинную причину именно в духовной сфере. Понять это – значит познать глубинные, фундаментальные основания требуемых качественных преобразований в универсуме. Начало их лежит в сфере образования. В этом плане можно смело утверждать: какое образование, такое и общество. Но современная беда состоит в том, что такое общество пока не воспринимает тех импульсов, которые «зажигают» отдельные пассионарные личности, пока еще не объединенные в мощное пассионарное движение национального возрождения. Фундаментализация образования могла бы, нет *должна(!)* стать полем духовного возрождения нации, всходы на котором только и могут принести обильный урожай национального процветания.

Поступила в редколлегию 5.04.2007.

© Задорожный Г.В., 2007